

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

АДАТЫ ОСЕТИН: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ*

Ф.Х. ГУТНОВ

Предварительные замечания

Интерес к обычному праву обусловлен объективными причинами. Как известно, легитимность власти предполагает ее поддержку со стороны населения. Классическая трактовка легитимации власти восходит к М. Веберу, выделявшему три «чистых» ее типа: *легальный* (рационально-правовой), основанный на законе и связанных с ним порядках; *традиционный*, при котором власть базируется на обычном праве; и *харизматический* (от греч. *Charisma* – «милость», «божественный дар»). При этом, исследователи (см., например: [1, 31-32]) исходят из главной идеи концепции Вебера. В первом случае – вера в закон, рационально-формализованное обезличенное право; во втором – вера в «прецедент», в обычай, значение установленного статусного порядка; в третьем – вера в сверхъестественные качества вождя, замешанная на страхе и трактуемая как долг.

В наши дни, подчеркивают юристы, созревание в обществе кризисной ситу-

ации сопровождается качественными изменениями «в существующей государственно-правовой системе», подрывом «основ и устоев всего общественного развития». В свою очередь эти процессы вызывают снижение авторитета законодательства. «Именно тогда общество обращается к истокам своего правового развития – к обычному праву... возникает объективная необходимость принципиально новой оценки» роли обычного права в правовой системе государства [2, 3].

У большинства народов Северного Кавказа, не имевших в прошлом письменного фиксирования законов, адаты были единственным видом правил, на которых держались отношения и быт горцев. «Вся их жизнь регулировалась обычаями, передававшимися по устной традиции из поколения в поколение» [3, 14].

Обычное право чрезвычайно важно при реконструкции общественного строя народов Северного Кавказа. Но таких примеров мало. Напомним слова В.К. Гарданова, сказанные более полувека назад: несмотря на актуальность адатов, «использование материалов по обычному праву кавказских горцев *лимитируется сравнительно небольшим кругом изданных источников*¹ (курсив мой. – Ф. Г.), среди которых главное

* Краткий обзор литературы по проблеме приведен в недавней нашей работе [5, 8-16, 19-20]. В данной статье уточним свою позицию по некоторым вопросам, преимущественно – по истории публикации и анализа памятников обычного права осетин.

место занимают сборники адатов, составленные в 40-60-х гг. XIX в. по заданию русской администрации на Кавказе» [4, 180].

Необходимо четко выяснить, какие списки адатов осетин уже найдены и опубликованы, насколько они надежны². Это тем более необходимо сделать, что известные списки обычного права содержат противоречивые, а нередко и просто ошибочные нормы.

За рамками различных программ сбора обычного права оказались важные вопросы о роли доклассовых институтов в жизни горских обществ, об аренде земли и скота по обычному праву и т.д. Записи адатов не только не полны, не нередко и неточны. Как и любой другой источник, они требуют критического подхода, т.к. *записи* норм обычного права являются не полным, а, в определенной мере, субъективным отражением исторической действительности.

Нормы обычного права фиксировались по показаниям горцев различных сословий. Например, адаты западных адыгов собраны в 1845 г. старшиной Екатериноградского войскового училища Кучеровым «на основании показаний старшин черкесских аулов» [6, I, 61]. Норденстренг, записывая нормы обычного права обществ Восточной Осетии, пользовался свидетельствами «почетных стариков». В самих показаниях «почетных стариков» имеются субъективные элементы. По свидетельству лиц, собиравших материалы, горцы относились к этому мероприятию «подозрительно и недоверчиво». Субъективность рассматриваемого источника возрастала при редактировании составителями сборника. Князь Голицын уверял, что «мог бы сделать некоторые замечания касательно разницы, существующей между показаниями стариков и тем, что внесено в книгу» [6, 60].

Составление отдельных списков затрудняет то обстоятельство, что «осетинское обычное право по местностям весьма различно и во многих отношениях оно совсем еще не определено. Почти каждый аул имеет свои особенные юридические обычаи, но между ними есть много общих» [8, I, 188]. Эту же черту отметили российские исследователи: «В ситуации с обычным правом положение усугубляется еще и тем, что значительная часть правовых обычаев многих народов пока *еще даже не описана* (курсив мой. – Ф. Г.), а значит, не введена в научный оборот» [2, 5].

В пределах одного населенного пункта нормы адатов, относившихся к одному вопросу, различались. Это касалось не только горцев. М. Блок писал по этому поводу: «Там, где в двух небольших обществах, расположенных по соседству и имеющих аналогичное устройство, системы обычаев первоначально складывались в чертах примерно сходных, в дальнейшем они, поскольку не были письменно закреплены, неизбежно все более отдалялись одна от другой. Глядя на подобную раздробленность, – продолжал французский ученый, – кто из историков не согласится» с наблюдением анонимного автора «Трактата об английских законах», написанного при дворе Генриха II: «Изложить письменно во всей полноте законы и права этого королевства в наши дни невозможно... столь они многочисленны» [12, 173].

В связи с этим становится понятной *необходимость выявления и публикации как целых списков, так и отдельных норм обычного права осетин.*

В дореволюционном и советском кавказоведении [3; 4; 7; 8; 15; 36] многие исследователи в адатах видели важный источник реконструкции общественно-го строя средневековых народов Северного Кавказа. Основанием для такого

подхода к обычному праву являлись его чрезвычайно медленные перемены и отсутствие серьезного влияния со стороны³.

Народное право «образовывалось очень медленно и также медленно эволюционировало в зависимости от материальных условий жизни народа. Долгий и тяжелый жизненный опыт заставлял народ дорожить своими достижениями в области народного права и порождал живучесть и консервативность обычаев» [13, 11].

Практика показала: восстанавливая прошлое, невозможно обойтись без «интерпретации различных сторон жизни и тщательной реконструкции действительности»; причем, речь идет «о создании некоего микрокосма в *терминах норм и категорий* (курсив мой. – Ф. Г.) изучаемого общества...» [14, 140]

Преобразования «научной парадигмы и отход от господствующего в правовом пространстве России нормативного понимания права обуславливают необходимость разработки новых подходов к его толкованию» [2, 3-4].

Однако решение данной задачи серьезно затрудняет *беспрецедентная запутанность* «в отечественном обществоведении всего теоретико-методологического инструментария и категориального аппарата» [2, 10]. С. О. Шмидт писал по этому поводу: «Большинство источниковедческих категорий, понятий и терминов, общепринятых и наиболее употребительных в современной исторической литературе, мы встречаем в обобщающего типа трудах более чем полустолетней давности». Разумеется, многое в них не соответствует современным представлениям о самих категориях познания и их взаимозависимости. «Естественно, что формирующимся новым представлениям становится тесно в рамках прежней

терминологии. Пересмотр терминов... – потребность всякой развивающейся науки и едва ли не наиболее заметный внешний показатель этого развития» [19, 24].

Краткое содержание основных терминов, использованных в данной статье⁴

Обычай, как считают правоведы, «есть социальная форма, посредством которой устраиваются и действуют общественные нормативно-регулятивные системы, обеспечивающие порядок, контроль общественного поведения в таких сферах, как быт, хозяйство, обмен и торговля, социальные отношения, религиозная жизнь и т.д.» [20, 8]. Причем, отмечают юристы, обычаям «следовали не потому, что сила традиции подавляла человека. Ему подчинялись потому, что он был внутренне вплетен в огромную живую сеть взаимоотношений, устроенную дотошным и организованным образом» [21, 98-99].

В осетиноведении под *обычаем* понимается социальная норма, традиционное «правило стереотипного поведения индивида или всего этноса в конкретной жизненной ситуации». Соблюдение обычаев обеспечивалось внутренним убеждением конкретного человека и в еще большей мере – принуждением всего общества [22, 22-23].

Значение рассматриваемого термина четко передается в осетинском *agdaw* «обычай», «адат», «норма поведения». Возможно, восходит к *haxta*-, ср. **ав.** *haxta* «правильный», «надлежащий», «законсообразный», *anahaxta* (= ос. *anagdaw*) «незаконный», «лишенный авторитета», **согд.** *aydaw* «судья». Комментируя данный термин, В. И. Абаев писал: «Значение обычая, *agdaw*, в старом осетинском быту ко-

лоссально. Другой термин для обычая, *fadg/fadga* имеет более ограниченную сферу применения, но по происхождению, вероятно, так же древен» [23, 122]. В историко-этимологическом словаре осетинского языка *fadg, fadk/fadga* переводится как 1) «обычай»; 2) «потомство»; 3) в дигорском употреблялся также в значениях «дань», «подать». Восходит к *fad* «след». По Абаеву, идеосемантика «след» – «обычай» не требует особых пояснений. Слово *fadg, fadk* имеет яркое соответствие в согд. *padg* «обычай», «долг», «закон» [24, 428-429].

Право. В советской науке *право* с теми или иными вариациями определялось как совокупность (система) социальных норм, установленных или санкционированных государством [26, 210-212].

В осетинском языке термин *tarxon/tarxon* имеет несколько значений, в том числе «судебное решение», «суд» (процесс). Производные от него понятия связаны с юридическими функциями. Таковы *tarxony lag* «судья», *tarxondon* «суд» (учреждение). Ср. с *pari-tark* «допрашивать на суде». «Сюда же ст. слав. *tlъkъ* ‘толкователь’, ‘переводчик’, русск. *толк, толковать*, (устар.) *полковник*, ‘переводчик’... Значения ‘судья’ и ‘переводчик’ представляются одинаково древними. Следующим семантическим звеном является значение ‘толкователь’, ‘интерпретатор’: толкователь обычного права или закона > ‘судья’, толкователь чужой речи или текста > ‘переводчик’. Как особо ценные люди, эти ‘интеллектуалы’ получали от правителей разные привилегии и прежде всего освобождались от налогов и повинностей. В результате скиф. *tarxan* ‘судья’, ‘переводчик’ продвинулось в своей семантике в сторону более общего зна-

чения... вообще ‘привилегированное лицо’, ‘господин’ и т.п.» [27, 275-277].

Обычное право. В научных сообществах трактовка данного понятия была и остается различной. Так, некоторые советские ученые под *обычным правом* понимали совокупность «юридических обычаев, догосударственных норм», санкционированных властью и составивших древнейший слой права [28, 4-5].

Ю.И. Семенов полагает, что обычное право, возникшее на стадии доклассового общества, первоначально регулировало межродовые и межобщинные связи. На этапе формирования государственного аппарата и появления постоянных судебных органов начинается становление собственно права [29, 11-12].

Среди юристов доминирует версия, согласно которой обычное право возникло «раньше государства», способствуя (а иногда противодействуя) его образованию. На протяжении длительного периода оно не просто сосуществовало с публичной властью и судами, но и работало вместе с ними, служило им [20, 49]. Иногда под *обычным правом* понимают «своеобразную переходную форму от обычая к закону». Согласно мнению отдельных юристов, реконструкция процесса преобразования обычая показывает, что «в догосударственном обществе действует обычай, который... лишь с появлением государства, получая санкцию последнего... становится обычным правом, а за правовым обычаем идет уже закон» [20, 50].

В наши дни, по утверждению Р. Куадже [30, 294], «официально обычное право определяется как система норм (правил поведения), которая основывается на обычае, существующем в данном государстве, в определенной

местности, в конкретной этнической и социальной группе».

Изучение адатов осетин в русской науке конца XVIII – первой половины XIX вв.

Автора данной статьи обычное право осетин интересует как источник по социальной структуре, системе отношений между сословиями, формам землевладения. С учетом этого мы и рассмотрим историографию проблемы⁵.

Ранние сведения по обычному праву народов Северного Кавказа представлены в путевых заметках и дневниках путешественников, отчетах экспедиций Российской Академии наук.

На заседании 22 октября 1767 г. в Академии наук было принято решение об организации экспедиций (в их числе и две т.н. Астраханские), которые возглавили И. А. Гюльденштедт и С. Г. Гмелин. Члены обеих экспедиций получили планы и подробные инструкции, представлявшие собой «грандиозную программу комплексного исследования» среды обитания, природных ресурсов, различных отраслей хозяйства. Помимо этого, фиксировались данные о состоянии образования, медицины, этнографических особенностях горцев [31, 15].

Гюльденштедт⁶ в ходе экспедиции (1770-1773 гг.) собрал интересный материал, судя по которому одни группы осетин являются «подданными отдельных деспотов», другие, наоборот, «не имеют никакой государственной власти, кроме выбранных ими самими старейшин; они не знают ни законов (курсив мой. – Ф. Г.), ни послушания» [32, 85].

В ходе экспедиции Гюльденштедт познакомился с осетинским населением Гудского и Трусовского ущелий; в

Тырсыгоне академик насчитал 400 дворов и все – осетинские. Противоречивую оценку академик дал социальной структуре осетинских обществ: у них «имеются князья и дворянство, которые, однако, не были ни богатыми, ни могущественными». С другой стороны, безопасность членов группы Гюльденштедта на одном из участков маршрута экспедиции (от осетинского аула Чми до грузинского Душети) обеспечивал осетинский князь Ахмет «с сотней вооруженных осетин» [32, 73, 75].

Несмотря на отдельные промахи, труд Гюльденштедта получил высокую оценку специалистов. По справедливому замечанию отечественных исследователей, Гюльденштедт открыл «собой новый отдел в истории русского научного кавказоведения XVIII века». Такого описания горских народов «не было еще ни в русской, ни в западноевропейской кавказоведческой литературе» [31, 18].

Из других участников академических экспедиций материалы об осетинах собрал П. Паллас⁷, «один из крупнейших ученых-энциклопедистов XVIII в.». Участник двух экспедиций на Кавказ, сам Паллас второе путешествие в 1793 г. (в Поволжье, на Северный Кавказ и Приазовье) рассматривал как продолжение «академических экспедиций 1768-1774 гг.» [31, 22].

Часть обработанного материала вышла в свет в конце XVIII в. на немецком языке [33]. Вслед за Гюльденштедтом Паллас обратил внимание на индоевропейское происхождение осетинского языка, из обществ коих он особенно выделил социумы западных осетин. Среди них «одни являются вассалами баделят дворянского племени, живущего в горах, а другие независимы». Жители Донифарса, так же как и население соседних селений, расположенных на

левом берегу Уруха, живут «по республикански и в очень плохих отношениях с другими дигорцами».

В дореволюционной историографии исследования Палласа получили высокую оценку: «всестороннему изучению своего второго отечества (он) посвятил почти всю жизнь свою... по глубине своих знаний, по широте научных интересов и задач, а также по необычному дару и точности наблюдений, занимает одно из самых первостепенных мест» [31, 22].

Интересные сведения об осетинах позднего средневековья собрал Л. Штедер⁸. Характеризуя социальные отношения в Осетии, он отметил «влияние кабардинцев». Используя помощь соседних князей, баделята усилили свое господство над дигорскими крестьянами [34, 54-55].

Говоря об элементах обычного права осетин, офицер русской армии заметил: «кровная месть и самовольные действия были обязательны среди семей... Если обстоятельства привлекали к мщению многих, то старшины стремились вмешаться путем уговоров или проявления власти». Среди факторов, умиривших кровников, Штедер назвал и «обычай» [34, 58]. Я. Рейнегтс⁹ буквально повторил то же самое: «Кровная месть является у этого народа вредным *обычаем* (курсив мой. – Ф. Г.)» [32, 93-94].

В 1807-1808 гг. в Осетии во главе экспедиции побывал Ю. Клапрот¹⁰. К его поездке на Кавказ в Академии готовились тщательно. Клапрота не ограничивали ни в деньгах, ни во времени. «Поскольку предмет его состоит в точнейшем познании Кавказа, то он должен употребить столько времени на свое путешествие, сколько для достижения сего нужно» [31, 58]. Уже находясь в степном Предкавказье,

Клапрот изменил намеченный маршрут из-за свирепствовавшей в горах чумы. На пути из Моздока в Тифлис он посетил ряд осетинских аулов, расположенных по Военно-Грузинской дороге¹¹.

Характеризуя общественные отношения осетин, Клапрот обратил внимание на социальную градацию, прослеживаемую даже на примере жилища и бытовых условий. «Каждый старшина, – отмечал ученый, – имеет один опрятный дом, другой – предназначенный для гостей и третий дом для хранения необходимых в хозяйстве вещей и приготовления пищи... Подушки и матрацы... у богатых покрыты голубовато-полосатым полотном. Их одеяла покрыты персидским ситцем и сделаны из шерсти или хлопка». Простые люди, напротив, «живут очень бедно...»

Клапрот собрал много ценных сведений о быте осетин, *обычном праве* и генеалогических преданиях.

В первой половине XIX в. в самой России наблюдался растущий интерес к праву, законам и законности. В советской историографии это объяснялось тем, что абсолютизм видел в них одно из важнейших средств укрепления существующего строя [48].

Осуществление «весьма широких планов политического и экономического овладения Кавказом... требовало разносторонних сведений об этой стране». Самым серьезным препятствием на пути к достижению поставленной цели Канкрин, министр финансов в правительстве Николая I, назвал «отсутствие надлежащих сведений». В этой связи министр весной 1827 г. в Записке «просил царя одобрить посылку с этой целью в Закавказье чиновников Министерства финансов» [43, 298-299]. В результате на рубеже 20-х – 30-х гг. XIX в. на Кавказе был выполнен ряд работ,

преимущественно военно-топографического характера.

Примерно в это же время (в конце XVIII-XIX вв.), по мнению Ю. А. Жданова, поддержанного В. А. Матвеевым, российское кавказоведение становится отдельной отраслью знания. В течение XIX в. отечественное кавказоведение «совместно с русским востоковедением» выросло «в мощное научное направление. Причем публикации о крае, с направленностью на понимание местной специфики, появлялись задолго до его полного включения в состав Российской империи» [46, 96-98].

С начала XIX в. среди исследователей горских народов появляются офицеры русской армии на Кавказе: С. М. Броневский, П. Г. Бутков, А. П. Берже, А. Л. Зиссерман, В. С. Толстой и др. Согласимся с В. А. Матвеевым: «В связи с необходимостью укрепления государственных позиций России» на кавказском направлении «возрастали потребности в расширении сети образовательных учреждений, в которых происходило изучение восточных языков»¹². Забегая вперед, отметим инициативу Управления Кавказского учебного округа, с 1881 г. отбравшего, а затем и публиковавшего материалы в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа». Кавказская тема присутствовала и в «Записках Императорского русского географического общества» [46, 95-96], «Сборнике сведений о Кавказских горах», «Сборнике сведений о Кавказе», «Кавказском сборнике» и др.

Крупный вклад в кавказоведение внес С. М. Броневский¹³. Своим исследованием, судя по его же словам, Броневский хотел «доставить Европе основательные сведения о политическом и гражданском состоянии тамошних (кавказских. – Ф. Г.) народов» [31, 69].

Его труд «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», заверченный в 1812 г., но изданный в 1823 г., содержит глубокую характеристику истории и этнографии горских народов. Он, в частности, отметил: «Три главных вида правления, монархическое, аристократическое и демократическое, известны также на Кавказе, но смешение оных чрезмерно, наипаче двух первых видов» [47, 38]. При этом автор утверждал: «абхазы, осетины, кисты, ингуши, чеченцы... управляются князьями и старшинами наследственно и частью старшинами по выбору». Эту форму правления он назвал «аристократической», уточнив далее: правление «монархическое или аристократическое, еще правильнее можно назвать *феодальным*». Насколько известно, в данном случае мы имеем дело с первой в кавказоведении оценкой общественного строя горцев как «феодального» [47, 178-182].

Броневский привел подборку норм обычного права горцев, собранных в небольшой рубрике «Коренные обычаи, или постановления, которые можно почитать за неписанные законы». Автор сопоставил адаты и нормы древнерусского права: «На Кавказе дух законов тот же, что и в Русской Правде».

Работа Броневского получила широкую известность и имела в личных библиотеках многих известных людей той эпохи, в частности – А. С. Пушкина. На долгие годы, подчеркивал М. О. Косвен [43, 298], эта книга стала «главным источником сведений о Кавказе. Ценным историческим источником по этнографии Кавказа остается эта книга и сейчас».

Рукопись (на французском языке) о горских народах юга России в 1834 г. завершил И. Бларамберг. В 1832 г., с разрешения военного министра графа

А. И. Чернышева, он предоставил план предполагаемого сочинения в Генеральный штаб генералу Нейдгардту. Тот в свою очередь отправил Бларамбергу программу описания, намеченную еще в 1830 г. полковником Галяминым, а также ряд материалов, собранных Генштабом ранее [48, 9-10].

Проблему обычного права горских народов Бларамберг рассмотрел главным образом на примере черкесов. У них не было «письменных законов, за исключением Корана... Но приговор кадия не является для черкеса окончательным в той же мере, что и для турка... Законы, пользующиеся куда большим уважением у черкесов, – это их древние законы обычного права». Небольшую подборку норм адата наш автор привел в параграфе «Законы» раздела «Кабардинцы» [48, 173-177].

«Выдающееся, – по оценке Косвена [43, 310], – место в истории этнографии Кавказа принадлежит... Гр. Гордеву¹⁴. Наибольшее значение имеют две его работы, посвященные осетинам». 1) «Письма из Осетии» [50, 4-22] и 2) «Вероисповедания, суеверия, обряды, правление, *обычаи* и нравы осетин» [49]. Интерес к ним обусловлен, помимо прочего, наличием пространной записи норм обычного права об «убийстве, мести, примирении, выкупе, праве убежища, краже, прелюбодеянии, клевете... классовых и сословных делений, феодальной власти, ее прав и злоупотреблений, податей и поборов» [43, 310]. Вся жизнь осетин регулировалась «древними коренными обыкновениями, которые всегда почитали священными и в виде законов передавали из рода в род» [50, 40].

В числе первых подборку (правда, небольшую) адатов осетин собрал А. Яновский¹⁵. Ее история «стоит в связи с общим вопросом, возбужденным

еще в конце 20-х годов бывшим министром финансов, гр. Канкриным, о необходимости всестороннего изучения быта различных кавказских племен». В 1827 г. министр «представил по этому предмету особый проект, удостоившийся высочайшего утверждения. Для описания края... было командировано несколько лиц», которым выдали «особое постановление и программу работ». Сведения собирались несколько лет, а «затем, в начале 1835 года, по представлению министра финансов, разрешено было издать собранный материал, причем редактирование» рукописи возложили на В. Легкобытова¹⁶, «принимавшего деятельное участие в работах по изучению края». В результате вышло «официальное издание: ‘Обозрение Российских владений на Кавказе’ (СПб., 1836)».

Данный труд получил высокую оценку как дореволюционных, так и советских исследователей. «Наиболее крупным и серьезным, в то же время и наиболее значительным в этнографическом отношении результатом... официальных мероприятий по описанию Кавказа и его народов являлся завершенный в тех же 30-х годах обширный коллективный труд» [43, 306].

«Во второй части этого *замечательного* (оценка Леонтовича. – Ф. Г.), по тому времени, труда мы находим весьма обстоятельное ‘описание юридических обычаев осетин’ [53, 192-200] ... Описание это составлено по сведениям, собранным на месте А. Яновским. Он специально изучал быт осетин и, между прочим, собрал тщательные сведения о главнейших их адатах¹⁷. Сведения об осетинских обычаях изложены в 29 статьях и касаются права уголовного (в особенности о кровомщении) и процесса (о присяге); есть также довольно подробные данные о семейных отноше-

ниях (о левирате, купле жен, многоженстве и пр.) и наследовании имущества» [6, I, 51-52].

Что касается значимости адатов в быту осетин, то они «крепко и постоянно держатся своих обычаев», ибо у них они заменяют законы. Главные постановления относятся ко мщению за убийство...» [54, 192] Уголовные дела, в первую очередь примирение кровников, решали медиаторы («тархонлаг»). Они, отмечал Яновский, «составляют совет и определяют меру возмездия...» [54, 192-193] Плата за «кровь» была дифференцированной, в первую очередь учитывалась сословная принадлежность потерпевшего. Так, за раны, «смотря по важности их (раненых. – Ф. Г.)», взыскивали от 1 барана до 54 коров [54, 194].

В целом, очерк Яновского заслужил лестные отзывы рецензентов. Так, в получившем высокие оценки «Обзрении» раздел, написанный А. Яновским об осетинах, представлял собой «хороший, первый в литературе общий очерк страны». Работа Яновского», напомним, содержит «запись адата осетин из области сословных отношений, уголовного права и судопроизводства, наследования и семейных отношений» [54, 308].

«Заслуга возбуждения вопроса о необходимости ближайшего изучения обычного права горцев и составления из собранных сведений особых сборников, принадлежит местному управлению мирными горцами Северного Кавказа». Подполковник Д. С. Бибилов¹⁸ в трех докладах в 1841-1842 гг. «бывшему главнокомандующему Головину» изложил «подробно мотивы и самые основания работ по собиранию сведений о кавказских адатах. Основания эти состояли в собирании сведений об адатах, главным образом горцев Север-

ного Кавказа (черкес, осетин, чеченцев и кумыков) и затем в составлении общего свода адатов, который бы... мог служить руководством по внутреннему управлению горцами». Начальникам отдельными областями Северного Кавказа «предписано было избрать для этого способных лиц из числа местных судов и штабных офицеров¹⁹, которые бы посредством личных расспросов горских старшин и стариков, наиболее знакомых с туземными обычаями, могли с успехом исполнить предложенную работу». Тогда же Бибиловым «выработана была... единообразная программа сбора и изучения адатов. «Программа эта поднимала главнейшие вопросы о сословных отношениях, о суде и делах, разрешаемых по адату, затем – о наследовании по обычаю и завещанию, об отношениях семейных (родителей к детям, мужа к жене) и наконец о преступлениях и наказаниях» [6, 52-53].

Сразу стало понятно, что «изложенная программа далеко не отличается полнотой; в ней не достаёт многих существенных вопросов. В особенности следует пожалеть о том, что в программу не были введены такие вопросы, как о родовом и общинном устройстве и управлении горцев – о их родах и обществах, внешних отношениях между ними и внутреннем их наряде – об организации народных собраний, о родовых и сельских старшинах, об устройстве аулов и семейных общин (доселе существующих у всех горцев) и пр. Нет также множества вопросов по вещному и обязательственному праву; вовсе не затронуты например капитальные вопросы о формах землевладения на Кавказе...» [6, 53].

Близкое знакомство с адатами горцев продемонстрировал Н. Данилевский²⁰. «Касательно образа правления у Горцев можно сказать, что между ними

вообще нет положительного управления; но *анархия*, укрощенная обычаями и страхом кровомщения. – Народные сословия у Горцев разделяются на 1) *Князей*, коих власть состояла в том, чтобы объявлять войну, заключать мир, и производить другие, тому подобные, общие постановления – 2) *Духовных*, уволенных от всяких податей и повинностей, по Магометанскому закону; таковы: *Муллы*, отправляющие духовные обряды и заведующие судопроизводством; *Кадии*, ежегодно из Муллов избираемые судьи; *Иманы*, занимающиеся службою при мечетях; 3) *Дворян или Узденей*, разделяющихся на три степени между собою: первые, как великие вассалы, подвластные только Князьям на условиях в виде первостепенных помещиков; вторые – на тех же правах с уменьшением власти, как второстепенное дворянство; третьи, по бедности своей, бывают подчинены старшим Узденям, как в Польше мелкая шляхта, и называются *Уздень Узденя*; – 4) *Крестьян*, как хлебопашцев, привязанных к родной земле, но от жестоких угнетений доведенных почти до рабского состояния. Они по большей части принадлежат Узденям; а часть их непосредственно подвластна Князьям. 5) *Невольников или Ясырей*, совершенных рабов, составляющих собственность Князей и помещиков; их или покупают или захватывают на войне. Сверх сих пяти классов народного сословия, Князья и Уздени имеют усадьбы, населенные *отпущенниками*, которые занимаются сельскими работами и платят подати Князю или помещику своему; *пришельцами, ближними и дворовыми людьми* под названием *Бегалулов*, которые отправляют дворскую службу в виде холопей» [56, 187-190].

«Прежде, – продолжил Данилевский, – воля Князя составляла для Черкесов, Кабардинцев и других Горских

племен – закон; но с умножением Князей и воля их стала разделяться. От того постепенно образовались *народные собрания для советов* об общественных нуждах, куда со временем начали приглашать Узденей; случающиеся же между народом неудовольствия понуждают в важных случаях призывать и народных *Старшин*, коих шумные собрания распускаются большею частью без всякого положения и нужных мер». Кратко характеризуя сословную структуру горских народов, Данилевский писал: «Осетинцы управляются своими Князьями и старшинами, наследственно или по выбору народному» [56, 190-191]. Небольшая подборка норм обычного права приведена в рубрике «Коренные обычаи или неписанные законы горцев» [56, 201-208].

*Адаты осетин в русской науке
второй половины XIX века*

Н. Г. Берзенов²¹ (наряду с С. Жускаевым) – один из первых осетинских краеведов, занимавшихся изучением истории и этнографии своих соплеменников. Этнографические статьи Берзенова [57-59], выходявшие в свет исключительно в местных изданиях, «составляют ряд характеристик из жизни крестьянского населения Осетии и восточной Грузии». Осетинского краеведа отличало «обстоятельное знакомство с нравами» исследуемых им народов, «которое дается лишь людям, с детства к ним присмотревшимся и одаренным наблюдательною способностью. Берзенов легко подмечал самые мелкие стороны жизни, для многих неуловимые... он проводил параллель, когда нужно, между настоящим и прошедшим; он умел обобщать свои данные, так что многие места его очерков, большею частью изложенных в сжатой форме, мог-

ли бы целиком войти в научные этнографические этюды кавказского края» (Д. Бакрадзе).

Рассматривая социальные отношения западных осетин, Берzenov подчеркнул: «политическое устройство Дигории несколько сходно с феодальным: князья или дворяне-возданы, известные во всем ущелье под названием баделята, крестьяне и рабы (кавдасарды), составляют весьма различные классы» [58].

Особое место в научном наследии краеведа занимало обычное право. «У осетин, – отмечал он, – обычаи заменяют законы. Осетин, нарушив общечеловеческие права, убив ближнего, никогда не нарушит обычая, утвержденного давностью, и осужденный приговором общества, без сопротивления склонится перед карающим обычаем, без ропота понесет наказание» [57].

Отметим большой успех публикаций Берzenova у читателей газеты «Кавказ», от имени которых редакция газеты писала: «Мы чрезвычайно благодарны за его неутомимую наблюдательность, с какою он изучает быт осетин. Справляется ли вековой обычай, правят ли тризну по покойнику, рассказывают ли давнишнюю былинку – г. Берzenov со своим пером тут как тут. Ко всему присматривается, все замечает, и обо всем рассказывает» [57].

Берzenov активно помогал С. Жускаеву²², по оценке кавказоведов, «первому осетину, выступившему в печати с этнографическими статьями» [31, 100]. Этнографы особенно выделяют две его статьи, опубликованные в газете «Закавказский вестник» [60; 61]. Особенно отметим статью, посвященную обычаю зиу – осетинскому празднику, отмечаемому «перед начатием сенокоса и жатвы». Суть обычая состояла в том, что «осетины, зажиточные и имеющие мно-

го работ, приглашали к себе без оплаты женщин на жатву, а мужчин на сенокос... они стараются превзойти друг друга в работе... хозяин... радуется, потому что в один день может покончить всю работу при помощи безвозмездных работников» [61].

Раскрытие эволюции архаических в своей основе традиционных институтов взаимопомощи до завуалированной формы эксплуатации – «серьезное достоинство этнографических работ Жускаева» [31, 101].

В историографии нашей темы рассматриваемого периода безусловно важным считается очерк К. Красницкого [62]²³, основанный на «документальных сведениях». По сути, данная работа являет собой, хотя и далеко не бесспорный, интересный опыт подборки норм обычного права по социально-экономическим отношениям у осетин. Вкратце покажем это.

Очерк состоит из 9 разделов. Во «Введении» автор пишет, что осетины жили в восьми обществах, которые в свою очередь состояли еще из семи. По правовому статусу, согласно §2, все население делилось на четыре «разряда»: первый составляли «Дигорские баделята», «Стырдигорские царгасата» и «Тагаурские алдары»; «ко 2-му (относятся) старшины Алагирские и Куртатинские, Нарские, Мамисонские, Закинские, Зрукские, и Донифарские гагуата; к 3-му Дигорские весдоны, кумиаки и хехесы, Тагаурские кавдасарды и фарсалаги, и все свободные люди Куртатинского, Цимитинского, Лесгорского, Донифарского, Алагирского, Нарского, Мамисонского, Закинского и Зругского обществ; к 4-му крепостные люди или холопы всех вообще Осетинских обществ».

Среди прав, отражавших положение того или иного лица, отметим: «§58.

Права состояния 1-го разряда в Осетии приобретаются: 1-е) родом и 2-е) браком. §59. Осетин 1-го разряда сообщает свое состояние всем законным его детям и потомкам обоего пола. §60. Осетин 1-го разряда пользуется всеми правами и преимуществами своего звания... §83. Каждый Осетин в 3-м разряде состоящий имеет право приобретать в собственность и отчуждать всеми законными способами: 1) ненаселенные земли; 2) дома в городах и селениях... §86. Именная жена, Осетинка, после смерти заплатившего за нее калым, оставшаяся бездетною, не остается в доме наследников на всю жизнь за служанку, как было по обычаю до сих пор, но получает по выделе доли наследства полную свободу и право переселиться из дома наследников умершего куда пожелает... §100. Все лица крепостного состояния обязаны состоять в повиновении их владельцам, исполняют в точности обязанности законами и обычаями на них возложенные. §101. Владелец может налагать на крепостных своих людей всякие работы и требовать исправления личных повинностей... §106. Осетин крепостного состояния, без согласия своего господина, не может переходить к другому владельцу или поступать в другое состояние, или переселяться на другие земли... §119. Крепостные люди, с письменного дозволения владельца, засвидетельствованного в участковом суде, могут покупать и другими законными способами приобретать в собственность земли, дома и всякого рода недвижимые имущества, учредить фабрики и заводы. В этом случае, а так же при приобретении лавок и домов в городах, они соблюдают общие по этому предмету правила. Дома и заведения, построенные крепостными людьми на землях владельца, принадлежат этому последнему... §121.

Крепостные люди имеют право вносить владельцу за себя выкуп...

§132. В Осетинском округе поземельное владение по родам надела существует: а) Владение личное: 1) по наследству; 2) по приобретению куплей или другими законными способами; 3) по пожалованию правительства... б) Владение: во-первых общинное, издавна существующее; во-вторых по отмежеванию от Правительства... §133. Каждый Осетин, без различия состояний, может владеть поземельною собственностью доставшейся ему по наследству, приобретать ее и отчуждать всеми законными способами... §136. Осетины имеют право продавать, отдавать в залог и вообще отчуждать всеми законными способами только те земли, которые составляют их личную собственность, доставшуюся им по наследству, купле, пожалованию или другим каким законным способом... §156. При переходе поселенца, по окончании договорного срока, с земли владельца в другое место, он может взять с собой свой скот, собственные земледельческие орудия и все свое движимое имущество; но дома на земле владельческой построенные, если о том не было постановлено особого условия, остаются за владельцами... §166. Земли, состоящие в общинном ведении, принадлежат ли они аулам или фамилиям, издавна или же отведены от казны, считаются общественным имуществом и во всех делах тяжёбных защищаются правом имуществ казенных; владение этими землями предоставляется аульным обществам, или фамилиям...» [62]

В газетном варианте Красницкий [63; 64, 160-178] на примере западных осетин показал формы влияния знати на рядовое население, но подчеркнул, что высшие сословия «не имели права суда и расправы в народном самоуправлении». Свои дела народ решал сам, «и

голосу баделят не давалось никакого предпочтения». Развивая эту мысль, автор утверждал, что все вопросы рассматривались «на общественных сходках, где брали первенство, как и всегда, не столько умные, сколько влиятельные люди, имевшие на своей стороне право сильного» [64, 65]. Архивные документы, писал Красницкий, с 1807 г. однозначно свидетельствуют, что никто из баделят или алдар никогда не правил «дигорским или тагаурским обществом на правах владельца» [64, 177]. Это несколько неожиданное утверждение автора очерка озадачивает категоричностью и не стыкуется даже с приведенными в очерке сведениями.

Определенный интерес представляет двухтомник А. Л. Зиссермана²⁴, особенно материалы обычного права осетин о кооперации труда в скотоводстве. Зиссерман, дважды совершивший поездки по Осетии (1855 и 1856 гг.), отметил несколько видов *австау* («заем»), названных им «процентными оборотами». По одному из них богатый скотовод отдавал часть своих овец или коров «взаймы»; по прошествии определенного времени, от 3 до 6 лет, возвращал их с придачей половины всего приплода [65, II].

По другому варианту, овцы отдавались на срок от трех до пяти лет. Более распространенным был третий вид аренды, при котором по истечении срока заимодавец брал из стада столько овец, сколько давал, а приплод делился поровну. При аренде скота на 3 года арендатор получал треть, а собственник две трети стада.

В любом случае заимодавец оказывался в выигрыше, а крестьянин редко получал вознаграждение, т.к. ему надо было еще заплатить за пользование пастбищем и сенокосами. У народов Северного Кавказа отмечены различ-

ные вариации этого института, но суть его одна и та же. Этот институт – своеобразная барщина в хозяйстве со значительной ролью скотоводства.

На рубеже 60-70 гг. XIX в. на Кавказе появились новые периодические издания: «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник сведений о Кавказе», газета «Терские ведомости» и др. На страницах новых сборников публиковался В. Б. Пфаф²⁵.

Исследования Пфафа – первая попытка систематизированного написания истории осетин с древнейших времен до крестьянской реформы. Автор поднял обширный круг вопросов и в решение некоторых из них внес весомый вклад. Обратим внимание на тот факт, что он первым из российских ученых (раньше М. М. Ковалевского) рассматривал феодальный строй как универсальный этап в развитии всего человечества [7, V, 22]. Вместе с тем, следует признать, что Пфаф неоправданно смело выдвигал самые разнообразные гипотезы по истории осетин, не особенно утруждая себя стремлением их обосновать. Конечно, при таком подходе некоторые изыскания и выводы страдают серьезными ошибками. В свое время на них обратила внимание редакция «Сборника сведений о кавказских горцах», в котором печатался Пфаф. Редакция отмечала: «не видно полного основания для принятия тех выводов и предложений, к которым приходит автор» [7, IV, 1].

К адатам осетин, как писал сам Пфаф, он обратился, стремясь получить «некоторое понятие о юридической жизни народов, живших до начала нашей истории» [8, I, 180]. Обычное право осетин, повторил Пфаф в другом месте, «кроме чисто местного интереса, не имеет уже практического значения». Для науки, подчеркнул он, адаты осетин весьма полезны, ибо «осетин-

ское право, между прочим, ознакомит нас с бытом народов, живущих до-исторической жизнью, и потому оно займет впоследствии свое место... в сравнительной или всеобщей истории права» [8, 183].

Однако, помимо научного интереса, адаты осетин имели «и непосредственно практическое значение для лиц, служащих в Осетии. Материалы для настоящего труда я (Пфаф. – Ф.Г.) собрал из судебных случаев, извлеченных из дел осетинских народных судов, из записки полковника Кундухова²⁶: об отмене некоторых вредных обычаев осетин, затем из расспросов судей в различных аулах Осетии, наконец, из личных наблюдений, сделанных во время путешествия по ущельям Кавказа [8, 183].

Рассматривая судопроизводство, Пфаф пришел к следующему выводу: «общее мнение нихаса в патриархальных аулах... имеет полную силу судебного решения, как только оно принято всеми». За невыполнение приговора следовало изгнание; «это обстоятельство придавало всем приговорам аульного судилища страшную, почти непреодолимую силу» [8, 209].

Обычное право осетин Пфаф сравнил с древнейшими памятниками римского, немецкого и славянского права. В результате он пришел к выводу, что современные ему «осетины, по степени развития у них юридических идей, стоят на более низкой ступени развития, чем римляне во время издания закона XII таблиц, немцы – во время издания саксонского и швабского зерцал, и славяне во время Правды Ярослава. В этих памятниках законодательства право собственности и наследства установилось уже на твердых основаниях, в коренном осетинском обычном праве право частной собственности еще не привилось» [8, 183].

Несмотря на недостатки, работы Пфафа еще долго оказывали влияние на последующие поколения исследователей. К его бесспорным заслугам следует отнести первую в литературе широкую и разностороннюю характеристику социальных отношений у алан-осетин [41, 262].

Среди дореволюционных исследователей истории Кавказа особое место по праву занимает М.М. Ковалевский²⁷, внесший весомый вклад в дело изучения прошлого осетин [15; 36; 68; 69]. Его работы по истории горских народов еще при жизни исследователя принесли ему заслуженное признание современников. А изыскания в области средневековья, феодализма, древнерусской общины, родовых отношений закрепили за ним славу «выдающегося русского ученого». Каким бы периодом всемирной истории ни занимался Ковалевский, его интересовал «механизм» развития человеческого общества, «тесная взаимосвязь между ростом государственных учреждений и изменениями общественного уклада, в свою очередь вызванную эволюцией экономических порядков» [75, 264].

Заслуживают внимания выводы Ковалевского о степени развития феодализма в Осетии. При всем сходстве с феодальными порядками, «осетинская сословная организация отнюдь не может быть уподоблена той, какую представляет Западная Европа в эпоху завершившегося уже процесса феодализации» [36, I, 46-47]. Стадиально феодализм в Осетии он сравнивал с европейским XI в., «невыработанным» еще, феодализмом. В одной из работ по обычному праву исследователь высказал интересную мысль: «одинаковость экономических и бытовых условий вызывает к жизни в разобщенных между собой местностях и разноплеменной-

ших народах сходные юридические нормы» [36, 12-13]. Интересны и его параллели между положением фарсаглагов в начале XIX в. и крестьянами средневековой Руси. «Подобно нашим крестьянам в эпоху, предшествовавшую отмене знаменитого Юрьева дня, – писал он, – фарсаглаги пользовались правом свободного перехода от одного узденя к другому. Существенным ограничением этой свободы переселения является то обстоятельство, что при оставлении прежнего места жительства» недвижимая собственность фарсаглага оставалась в пользу хозяина аула [36, 39-40].

Исследования Ковалевского открыли новую главу в развитии исторической науки об осетинах и горцах Северного Кавказа. «Несмотря на то, что его концепция феодализма у горских народов Кавказа не свободна от ошибок, она является первой в исследовании данной проблемы у горцев Северного Кавказа» [72, 240].

Большое значение Ковалевский придавал изучению обычного права тех «народностей, которые как осетины, доселе сохранили в своем быту многочисленные *остатки* уже *пройденных* ими стадий развития». Этим определялся «характер и план» его работы «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении». В ней он намеревался дать не простое описание права осетин, но «объяснить фактами из быта этого народа многие вопросы древнего права» [36, VI].

По замечанию одного из рецензентов, эта «смелая попытка... в общем, была выполнена весьма» успешно [73, 174]. В другом отзыве трудам российского исследователя также дана высокая оценка. «Можно утверждать, что М. М. (Ковалевский. – Ф. Г.) блестяще

выполнил намеченную задачу: широкая историко-юридическая эрудиция, прекрасное знакомство с этнографией – послужили верным руководством в богатом этнографическом материале, лично на месте добытом самим же М. М., ориентировку в обширном собрании данных этнографического, юридического и историко-литературного характера дал широко использованный сравнительно-исторический метод» [74, 366-367].

Мировую известность принесла Ковалевскому его разработка на материалах истории средневековых горских обществ теоретических проблем феодализма. Ученый писал по этому поводу: «на Кавказе перед нами воочию выступает тот сложный процесс, благодаря которому архаичный порядок родовых общинных отношений заменяется отношениями феодальными... У одних народов мы видим феодализм в зародыше, у весьма немногих – в законченном виде... Сопоставляя и сравнивая, мы получаем возможность отметить последовательность стадий, через которые проходил процесс феодализации» [68, 138]. Однако эта мысль осталась, к сожалению, только замечанием и не получила развития.

Самым важным источником по обычному праву горцев Северного Кавказа был и в известных пределах остается сборник Ф. И. Леонтовича [6]. В него вошли списки адатов практически всех горских социумов региона, собранные преимущественно в 40-е – 60-е гг. XIX в. по специальной программе. Какое-то время собранный материал находился у секретаря Ставропольского статистического комитета И. Бентковского²⁸. В числе «собрания рукописей» он подарил Новороссийскому (Одесскому) университету два «объемистых фолианта».

Первый из них состоял из подлинных документов и копий материалов официальной переписки «по предпринятому им (кавказским горским управлением. – Ф. Г.) в 40-х годах настоящего (XIX. – Ф. Г.) столетия собиранию сведений об адатах, и затем 15-ть отдельных тетрадей, или сборников XIX (тех же годов) адатов горцев Северного Кавказа – черкес, малкарцев, осетин, чеченцев и кумыков». Второй том составили рукописи 12 сборников 60-х гг. адатов горцев Терской и Дагестанской областей.

Особенностью литературы рубежа XIX-XX вв. является рост числа авторов, представлявших местное население. На исторических взглядах осетинской интеллигенции лежит явная печать идеологической борьбы той эпохи (вспомним, к примеру, острейшие дебаты по сословному вопросу), ее роль в становлении краеведения трудно переоценить. Вообще же краеведы (не только на Кавказе) играли важную роль в распространении исторических знаний и возбуждении интереса к изучению прошлого.

В большинстве работ местных авторов история предков рассматривалась лишь попутно. Специальную работу по данному вопросу подготовил А. Кодзаев²⁹ [80]. В советской историографии его работа подвергалась уничтожающей критике³⁰, на наш взгляд – только из-за политических взглядов автора. В советской историографии он характеризовался как человек «реакционных взглядов», выражавший интересы националистов [81, 54-56; 82, 123], а работу иначе как «компиляцией» не называли. Но с этими оценками трудно согласиться. В рукописном дневнике Ц. Амбалова есть запись о том, что Кодзаев в 1918 г. во главе делегации от России «наблюдал за уста-

новлением советско-финляндской границы».

Обвинения в компиляции также несостоятельны, ибо, помимо обширной библиографии (на русском, французском, немецком и латинском), автор опирался на солидную источниковую базу, в том числе – на *нормы права и обычаи*, что позволило ему высказать некоторые новые идеи и подтвердить старые.

А. Ардасенов³¹ и А. Есиев³² издали совместный труд – «Высшие сословия у осетин Куртатинского общества» (Владикавказ, 1892). Опираясь на «Адаты кавказских горцев» Леонтовича, материалы сословной комиссии 1866 г., официальные документы и т.д., они воссоздали социальную структуру названного общества:

1. Куртатинцы разделяются на 4 сословия: уазданлаги, фарсаглаги, кавдасарды и холопы.

2. Кавдасардов могли иметь только уазданлаги.

3. По сословным правам куртатинские феодалы равны кабардинским узденям 2-ой степени, баделятам, алдарам и таубиям.

4. «Констатируется полная сословность, со строго определенными правами и обязанностями каждого сословия».

Под псевдонимом «В.-Н.-Л.» Ардасенов написал еще одну интересную книгу: «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» [84].

Работы Ардасенова, благодаря наличию ценных историко-этнографических сведений до сих пор не утратили своей значимости.

Государственно-правовые взгляды наиболее ярких представителей осетинской интеллигенции с конца XIX в. до первых лет советской власти рассмотрены в монографии М. У. Дзидзоева [85].

Основные проблемы изучения адатов
осетин в советской науке

На начальном этапе изучение обычного права горцев планировалось сделать одной из ключевых задач деятельности краевых научно-исследовательских институтов. Особо подчеркивалась «возможность проследить следы родового быта (коллективистические элементы), следы феодально-сословных делений, а также влияния господства буржуазии. Без тщательного изучения этих элементов адата нельзя уяснить роль и значение его в различные периоды истории...» [86, 50] К сожалению, эта задача осталась невыполненной, хотя отдельные аспекты обычного права осетин изучались [87; 88].

В работе «К вопросу о феодализме в Дигории» Б.В. Скитский опубликовал некоторые документы, хранившиеся «в Горском Историческом Архиве» во Владикавказе:

а) материалы двух комиссий, учрежденных по разбору отношений простого дигорского народа к бадеятам в 1849 году в Нальчике и в 1852 году в Ардоне. По своей обстоятельности, исчерпывающей полноте сведений и по приемам обследования, данные материалы ни в коей мере не могут быть сравниваемы с материалами в 'Адатах' Леонтовича;

б) поземельные дела бадеят, саргасат, гагуат, их споры с 'зависимыми' сословиями, прошения к правительству о земельных награждениях. Дела принадлежат архиву Штаба кавказской армии...;

в) дела архива Управления межевой частью Терской области, отделы 4-й и 5-й, дающие богатый материал для характеристики земельных отношений и классовой борьбы в Дигории;

г) материалы, относящиеся к Абрамовской комиссии;

д) докладные записки по вопросу об отделении подвластных от бадеят и пр.» [87, 5-6, примеч., 44-63, I-XXVI].

В послевоенный период усилиями кавказоведов (см.: [3; 89; 90] и др.) наметились подходы к выявлению природы обычного права, выделены этапы эволюции, показана значимость обычного права как регулятора социальных отношений в традиционных обществах.

Вместе с тем, господствовавшая в советской науке пятичленная схема общественно-экономических формаций наложила отпечаток на теорию государства и права³³, в рамках которой право во всех его проявлениях неразрывно связывалось с государством. Теоретический штамп – «марксистско-ленинская» – предопределил и характер научных исследований интересующих нас вопросов: считалось, что обычное право присуще ранним стадиям классового общества и представляло собой совокупность санкционированных государством обычаев.

В *постсоветский период* солидным вкладом в решение ряда вопросов стали материалы конференций, в частности, XI Международного конгресса «Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах» (Москва, 1997), научно-практической конференции «Обычное право и его роль в формировании современной правовой культуры» (Майкоп, 1999). К сожалению, на названных научных форумах явно доминировали доклады, посвященные современной практике, тогда как вопросы нормативной и потестарной этнографии, по сути, исчезли из работ историков и этнографов. Вполне закономерен результат: различные аспекты обычного права осетин в историко-этнографическом плане все еще недостаточно исследованы.

В 1997 г. вышла работа В.И. Маргиева «История государства и права Осетии». В ней предпринята попытка «исследования истории права осетин с древнейших времен» до начала XX в. В указанных хронологических рамках рассмотрено обычное право осетин [38, 159-196].

Недавно вышла монография юристов В.И. Маргиева и С.М. Кесаева «Государственность Южной Осетии: прошлое, настоящее, будущее» (Владикавказ, 2009). В первой главе «Южная Осетия с древнейших времен до создания Юго-Осетинской области»

(с. 11-65) попутно рассматриваются и интересующие нас вопросы.

Роль обычного права в системе социального взаимодействия в традиционных горских обществах стала объектом исследования Е.И. Кобахидзе [1; 40; 93].

Как видно, в осетиноведении проблема обычного права и его значимости в изучении социально-экономического строя средневекового периода остается слабоизученной и актуальной. Во многом это, очевидно, связано с недостатком и степенью доступности сборников обычного права.

Примечания:

1. Под этими словами можно подписаться и сегодня. Еще недавно двухтомник «Адаты кавказских горцев» [6] был библиографической редкостью, по сути недоступной не только для широкого круга рядовых читателей, но и (в какой-то мере) для исследователей.

2. Такая работа уже проводится (см., например: [9; 10, 154-178; 11]).

3. Проблема влияния шариата на обычное право в горских обществах поднималась неоднократно [15, I, 232-234; 16, 27-52]. В советской историографии считалось, что до 30-х гг. XIX в. адаты местного населения были мало затронуты нормами мусульманского права [3, 20], хотя еще в дореволюционный период преобладание шариата над адатом в общественной жизни горцев относили к 1807 г. [17, 148]. Это связывалось с демографической катастрофой начала XIX в., в свою очередь вызванной страшной эпидемией чумы 1804-1807 гг. С этой поры суду по шариату «подлежали не только гражданские, но и уголовные дела...» [18, 68]

4. Вопросы социально-экономической истории могут плодотворно изучаться при помощи анализа терминологии источников. Хорошие результаты дает анализ социально-политических понятий местного происхождения. По авторитетному мнению В.И. Абаева, «язык представляет [собой] перво-степенный исторический источник... Каждое слово-понятие, если удастся раскрыть его историческое содержание, представляет ценнейший документ» [24, 9]. В целом, анализ терминологии источников – один из главных методов исследования социальных связей [25, 99].

5. Проблема *судопроизводства* в традиционном осетинском обществе довольно полно описана и изучена в дореволюционном, советском и российском кавказоведении [1; 8; 35; 36; 37; 38; 39; и др.]. Поэтому мы не будем останавливаться на этих вопросах.

6. Иоганн-Антон Гюльденштедт, немец по происхождению, российский академик по службе, в 1768-1775 гг. по поручению Академии Наук совершил научную экспедицию в южные районы России. На Кавказе пробыл с 1770 по 1773 г., собрав во многих районах, в том числе в Осетии, интересный историко-этнографический материал [43, 285].

7. Петр-Симон Паллас родился 22 сентября 1741 г. в Берлине. Образование получил в Германии, Голландии и Англии; в 1767 переехал в Россию, где 43 года работал на благо развития русской науки.

8. Леонтий фон Штедер, уроженец Пруссии, с 1772 г. на службе в России. Двумя годами позже – прапорщик в Генеральном штабе, с 1777 г. в чине поручика на Кавказской линии, следующие два года он провел в Имеретии и Грузии; в 1784 г. вернулся на Северный Кавказ; с 1791 г. подполковник [41, 194].

9. Якоб Рейнегтс родился в 1744 г. в саксонском городке Айслебен. Образование получил в Лейпцигском университете. В 1773 г. в университете венгерского города Тирнау защитил диссертацию на степень доктора медицины. Через три года отправился в путешествие на Восток. В 1779 г. Рейнегтс прибыл в Тифлис, где под именем Якуб-хана поступил на службу при дворе Ираклия II. С 1782 г. он вновь на российской службе

в качестве «комиссионера» Г. А. Потемкина при грузинских царях Ираклии II и Соломоне I. В обязанность ему вменялось содействие примирению правителей Грузии и привлечение их на сторону России. Однако деятельность Рейнегтса вызвала недовольство российского правительства и в 1783 г. его отозвали на Кавказскую линию. Вскоре он переехал в Астрахань, а затем – в Петербург, где и проработал до своей смерти в 1793 г. Его основной труд – *Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus*. Gota-St.-Pb., 1796. Th. I [42].

10. Юлиус Клапрот (1783-1835 гг.) происходил из семьи берлинского профессора химии Мартина Клапрота. С детских лет Юлиус проявлял склонность к лингвистике. Изучив несколько восточных языков, он по приглашению Академии наук России переехал в Петербург. В 1807-1808 гг. уже в ранге академика возглавил экспедицию по изучению Кавказа. Особенно его интересовали осетины. Результатом этой поездки стал солидный двухтомник, изданный в 1812 и 1814 г. в Галле и Берлине [44].

11. Во время следования в Грузию Клапрот познакомился с осетинами Гудского и Трусковского ущелий. По данным армянского автора Артемия Аратского, в Степан-Цминда (в 1921-2007 гг. – Казбеги) в конце XVIII в. жили «одни только осетины».

12. Специалисты с восточным образованием служили в различных отделах Главного штаба, где разрабатывались разнообразные аспекты внешней политики. Военным ведомством проводился сбор и обработка данных по многим вопросам. Показательно, что даже оппоненты признали: «царские генералы» создали «самые лучшие труды о Кавказе» [46, 100].

13. Семен Михайлович Броневский (1763-1830) долгое время находился на военной и гражданской службе на Кавказе. С 1801 г. состоял правителем дел канцелярии главноначальствующего на Кавказе (при Цицианове и Гудовиче). Позднее работал в Петербурге, в Департаменте иностранных дел.

14. Гр. С. Гордеев в 1808 г. окончил кадетский корпус. С 1817 г. служил в Тифлисском гарнизоне. В чине поручика в 1826 г. вышел в отставку. В следующем году работал чиновником для поручений при военном губернаторе Тифлиса. В 1829 г. начинается его сотрудничество с «Тифлисскими ведомостями». В 1838 г. в чине поручика находился в Отдельном Кавказском корпусе. Погиб в том же году в ходе разведки перевальных путей из Аварии в Кахетию. «Работы Гр. Гордеева по осетинам дают ему по праву место одного из самых ранних осетиноведов. Особое значение имеет его запись адата». Таким образом, он вместе с А. Яновским заслуженно относится к группе первых сборщиков адатов осетин [43, 311].

15. Яновский до назначения на Кавказ в течение 9 лет (с 1819 г.) служил в Петербурге последовательно в Военном министерстве, Сенате, Министерстве юстиции и Министерстве финансов. В 1828 г. переведен на Кавказ в Казенную экспедицию Верховного грузинского правительства. Здесь он принял участие в работе над «Обозрением». В 1831 г. опубликовал «Записку об осетинских ущельях» [52, 374]. Яновский один из старейших (с 1847 г.) членов Русского Географического общества. В середине XIX в. «принимал весьма активное участие в деятельности Этнографического отделения РГО». В русской науке того времени получил известность после выступления в 1857 г. «с решительным возражением против норманской тео-

рии происхождения русского государства...» [43, 313-314]

16. В.С. Легкобытов – член совета Главного управления Закавказского края; с 1842 г. служил в Петербурге в Министерстве внутренних дел, дослужился до высоких чинов [43, 307].

17. В комментарии Леонтович [6, 51, прим. 2] отметил: «В виду библиографической редкости издания 1836 года и ради полноты нашего сборника, мы нашли не бесполезным поместить в нем описание осет. обычаев г. Яновского».

18. В то время – зав. «канцеляриею по управлению мирными горцами Кавказа» [6, 52].

19. Командующий войсками на Кавказской линии генерал-лейтенант Гурко «предписал в 1843 году частным начальникам: (начать) исполнение предложения о собрании *народных* преданий и *обычаев* у горских племен, известных у них под названием Адата и употребляемых в виде *законных правил*». Причем, задачу эту требовалось «возложить на способнейших Офицеров» [55, 10б.-2].

20. В советской историографии данный труд получил (не во всем заслуженно, на наш взгляд) крайне негативную оценку: «компилятивная книжка», вышедшая «в 40-х годах» (первое издание – в 1846 г., второе, «без перемен» – в 1851), «содержит много ошибок и нелепостей, вызвавших протесты уже в современной печати» [43, 338].

21. Николай Георгиевич Берзенов – кавказский этнограф, исследователь сельской жизни. Родился в 1831 г. в осетинском селении Ардон; образование получил сначала во Владикавказском духовном училище, а затем – в Тифлисской семинарии. Литературные способности проявил рано, с 1850 г. стал печататься в газете «Кавказ», основанной в 1846 г. в Тифлисе по инициативе наместника Кавказа М.С. Воронцова.

В 1856-1857 гг. ее возглавлял Берзенов. По оценке современников, он принял «особенно деятельное участие в судьбе газеты «Кавказ»;...в течение с лишком 15 лет исполнял обязанности то корректора, то самого редактора, успевая в то же время писать свои талантливые очерки из быта местной сельской жизни». В последние годы своей жизни служил в Тифлисской археографической комиссии и занимался изданием «Актов Кавказской Археографической Комиссии» [31, 96, 98].

22. Соломон Васильевич (Тасо Биасланович) Жускаев после окончания Вадикавказского духовного училища продолжил учебу в Тифлисской духовной семинарии. Трудовую деятельность начал в 1855 г. учителем в с. Кадгарон, затем – во Владикавказском духовном училище. В 1865 г. стал священником Дигорского прихода; двумя годами позже – дигорским благочинным. Позднее его перевели в Згубирский приход Южной Осетии, и, наконец, в осетинскую станицу Черноярскую вблизи Моздока, где и умер.

23. К. Красницкий одним из первых проанализировал результаты деятельности различных сословно-поземельных комитетов и комиссий. Из них работу лишь двух – 1) во главе с бароном Вревским (1851 г.) [64, 173-174] и 2) подполковника Карякина (1859 г.) [64, 173] – Красницкий оценил как «плодотворную». Работая во второй из них, он в 1859 г. подготовил проект решения сословного и поземельного вопросов в Осетинском округе [65, 1-30 об.].

24. Арнольд Львович Зиссерман, на гражданской службе – чиновник, на военной – офицер, вышедший в отставку в чине полковника. На Кавказе находился 25 лет.

25. Владимир Богданович Пфаф в 1862 г. на юридическом факультете

Юрьевского университета стал кандидатом правоведения. Тремя годами позже в Одесском университете защитил диссертацию «О формальных договорах древнего римского права» (Одесса, 1866) на степень доктора права. В 60-х годах опубликовал несколько статей в «Юридическом вестнике» (вып. 23, 24, 30). В 1869-1870 гг. преподавал историю и географию во Владикавказской реальной прогимназии. Здесь он обратился к различным проблемам осетиноведения, преимущественно – обычного права [7, V, 6-10]. По признанию самого Пфафа, «изучением осетин он занимался в течение трех лет, объехав или обойдя пешком все главные ущелья Осетии» [41, 260-261].

26. «Записка эта, напечатанная в весьма небольшом числе экземпляров, теперь уже библиографическая редкость. Я (Пфаф. – Ф.Г) ее получил от мухаммеданского муллы Владикавказского аула, Халалули» [8, I, 181].

27. Изучение научного наследия Ковалевского ведется давно и плодотворно (см., например: [66; 70; 71; 72] и др.).

28. И. Бентковскому принадлежит ряд интересных статей по истории Северного Кавказа [76-79].

29. В годы первой революции Кодзав выступал за сохранение и развитие церковно-приходских школ. Не восприняв идеи большевизма, он, как наблюдатель осетинских школ, предостерег (под угрозой увольнения) учителей от политической деятельности. Из-за этого он подвергся нападкам со стороны леворадикальной части осетинской интеллигенции.

30. Давая научную оценку работы того или иного автора, нередко исполь-

зуют термин *критика*, под коим «следует понимать обсуждение, разбор, оценку в научном смысле, а не замечания *ругательного* характера. К сожалению... основное значение слова ‘критика’ подменяется разговорным значением в плане отрицательного суждения о чем-то» [19, 16].

31. Алихан Ардасенов – один из ярких представителей демократической волны дореволюционной осетинской интеллигенции. Политической деятельностью он стал заниматься во время учебы в Петербурге, в кружке «Кавказской молодежи». Осенью 1875 г. Ардасенов вошел в совет Общества пропагандистов, вел активную революционную работу в центральных губерниях. 17 апреля 1876 г. Алихана арестовали и по приговору суда на 10 лет сослали в Якутию. После окончания срока ссылки Ардасенов отошел от активной революционной деятельности.

32. Асламурза Бесланович Есиев (1836-1926) – уроженец с. Карца Куртатинского ущелья. Военное образование получил в Кадетском корпусе Петербурга. В русско-турецкой войне 1877-1878 гг. возглавлял Осетинский дивизион. За проявленную смелость и умелое руководство дивизионом произведен в майоры и награжден несколькими орденами. В отставку вышел в чине полковника. В его наследии до сих пор не утратила актуальность работа «Обычное земельное право и право землевладения горных осетин Терской области» (Владикавказ, 1901).

33. Очерк изучения обычного права в дореволюционной и советской историографии, а также марксистскую постановку проблемы обычного права дал В. А. Александров [92, 3-41].

1. Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия...» Владикавказ, 2010.
2. Кетов Ю. М. Обычное право и суд в Кабарде во второй половине XVIII-XIX века: Автореф. дисс. ... канд ист. наук. Ростов н/Д, 1998.
3. Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX вв. // Советская этнография. 1960. № 5.
4. Гарданов В. К. В. К. Гарданов – историк и этнограф. Нальчик, 2004.
5. Гутнов Ф. Х. Обычное право осетин. Владикавказ, 2012. Ч. I. Адаты Тагаурского общества (список Норденстренга. 1844 г.).
6. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882, 1883. Вып. I, II.
7. Пфаф В. Б. Материалы для истории осетин // ССКГ. 1870, 1871. Вып. IV, V.
8. Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССКГ. 1871, 1872. Вып. I, II.
9. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Нальчик, 2002, 2003. Вып. I, II.
10. Описание гражданского быта чеченцев, с объяснением адатного их права и нового управления, введенного Шамилем. 1843. // Адат. Кавказский культурный круг. Традиции и современность. М.-Тбилиси, 2003.
11. Законы вольных обществ Дагестана XVII-XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл., примеч. Х.-М. Хашаев. Махачкала, 2007.
12. Блок М. Апология истории или Ремесло истории. М., 1986.
13. Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.-Л., 1947. Т. I.
14. Ким С. Г. «Этнологическое измерение прошлого». Из опыта исторической антропологии ФРГ // ЭО. 2003. № 4.
15. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I, II.
16. Петров Л. Обычное право и закон на Кавказе // Кавказский вестник. 1901. № 1.
17. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1957.
18. Маргушева А. М. Адат и шариат в правовой повседневности Кабарды и Балкарии в первой половине XIX века // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. Владикавказ. 2012. Вып. 7.
19. Шмидт С. О. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.
20. Мальцев Г. В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д, 1999.
21. Свечникова Л. Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологических наук) // Государство и право. 1998. № 9.
22. Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994.
23. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.
24. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.

25. Новосельцев А. П. Древнейшие государства на территории СССР. Некоторые итоги и задачи изучения // ИСССР. 1985. № 6.
26. Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
27. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. III.
28. Бабич И. Л. Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999.
29. Семенов Ю. И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуи-тет, мораль и обычное право // Этнографическое обозрение. 1997. № 4.
30. Куадже Р. К вопросу об обычае и обычном праве // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д, 1999.
31. Цибилов Г. И. Осетия в русской науке (XVIII – первая половина XIX в.). Орджоникидзе, 1981.
32. Осетины глазами русских и иностранных путешественников / Сост. Б. А. Калоев. Орджоникидзе, 1967.
33. Pallas P.-S. Bemerkungen auf einer Reise in den sudlichen staathalterschaften der Russischen Reichs in den Jaren 1793 und 1794. Leipzig, 1797. Bd. I.
34. Steder. Tagebuch einer Reise, die in Jahre 1781 von den Gransfestung Mosdok nach inner Kaukasus unternommen worden. Leipzig, 1797.
35. Лиухвели Г. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. 1886. № 292.
36. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. I, II.
37. Мансуров Н. С. Обычный суд у осетин // Каспий. 1894. № 48.
38. Маргиев В. И. История государства и права Осетии. Майкоп, 1997.
39. Бабич И. Л. Правовой монизм в Северной Осетии: история и современность. М., 2000.
40. Кобахидзе Е. И. Институты власти и управления у осетин. Владикавказ, 2008.
41. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. 1958. Вып. II.
42. Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gota – St.Pb., 1796. Th. I.
43. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. 1955. Вып. I.
44. Klaprot J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jaren 1807 und 1808. Halle und Berlin, 1812, 1814.
45. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. (Первая половина XIX в.). М., 1981.
46. Матвеев В. А. Историческая наука и государственная политика на окраинах Российской империи (на примере Северного Кавказа) // CAUCASICA. 2013. Т. 2.
47. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Т. I, II.
48. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое и военное описание Кавказа. М., 2005.

49. Гордеев Г. Вероисповедания, суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // Тифлиссские ведомости. 1830. № 28.
50. Письма из Осетии. 1830 г. // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1981. Кн. 1.
51. Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост., примеч. и комм. Л. А. Чибирова. Цхинвали, 1981. Кн. I.
52. Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1878. Т. VII.
53. Обзорение Российских владений за Кавказом / Под ред. В. Легкобытова. СПб., 1836.
54. Яновский А. Осетия // Обзорение российских владений за Кавказом. СПб., 1836.
55. Центральный государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 2. Д. 194.
56. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении, с объяснением истории, религии, языка, облика и т.д. М., 1851.
57. Берзенов Н. Очерки Осетии // Кавказ. 1850. № 15, 47, 48, 93, 95.
58. Берзенов Н. Из записок об Осетии // Кавказ. 1852. № 67, 68.
59. Берзенов Н. Из записок об Осетии // Кавказ. 1853. № 15.
60. Жускаев С. В. Похороны у осетин-оладжирцев // Закавказский вестник. 1855. № 9.
61. Жускаев С. В. Атиак // Закавказский вестник. 1855. № 32.
62. Красницкий К. Проект решения сословного и поземельного вопроса в Осетинском округе // ЦГА РСФСР-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-30об.
63. Красницкий К. Кое-что об Осетинском округе и правах туземцев его // Кавказ. 1865. № 29-33.
64. Красницкий К. Кое-что об Осетинском округе и правах туземцев его // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1981. Кн. 1.
65. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Т. I, II.
66. Кузьминов П. А. Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик, 2009.
67. От редакции // ССКГ. 1871. Вып. IV.
68. Ковалевский М. М. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // РМ. 1883. № 12. С. 137-154.
69. Ковалевский М. М. 1885. Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин // Юридический вестник. Т. XIX. Кн. 2, 3. № 6-7.
70. Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.
71. Левитский В. Ю. Кавказ в творческом наследии М. М. Ковалевского: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2007.
72. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.
73. Авалиани С. Заслуги Ф. И. Леонтовича в изучении обычного права русских инородцев // Журнал министерства юстиции. 1911. № 6.
74. Авалиани С. Заслуги М. М. Ковалевского в изучении обычного права народностей Кавказа // Журнал министерства юстиции. 1916. № 8.
75. Ковалевский М. М. Моя жизнь // История и историки. 1973 год. М., 1975.
76. Бентковский И. Дела наши на Северном Кавказе от построения укреплений

- ния Моздок до учреждения кавказского наместничества. С 1765 по 1786 гг. // Ставропольские губернские ведомости. 1876. № 31-33.
77. *Бентковский И.* Чума на Северном Кавказе в прошлом и нынешнем столетиях // Ставропольские губернские ведомости. 1879. № 2.
78. *Бентковский И.* Моздокские крещеные осетины и черкесы, называемые «Казачья братия» // Ставропольские губернские ведомости. 1880. №. 3-6.
79. *Бентковский И.* Заселение бывшего линейного казачьего войска // Ставропольские губернские ведомости. 1880. № 8-11.
80. *Кодзаев А.* Древние осетины и Осетия. Владикавказ, 1903.
81. *Тотоев М. С.* Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX в. Орджоникидзе, 1968.
82. *Васильева Л. М.* Проблемы истории Осетии в русской науке XIX века. Орджоникидзе, 1975.
83. *Ардасенов А., Есиев А.* Высшее сословие у осетин Куртатинского общества. М., 1892.
84. *В.-Н.-Л.* Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896.
85. *Дзидзоев М. У.* Общественно-политическая и государственно-правовая мысль в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1979.
86. *Хадарцев Э. И.* Адатная проблема и задачи Краевого Горского Научно-Исследовательского Института // Революция и горец. 1928. № 1.
87. *Скитский Б. В.* К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе, 1933.
88. *Кокиев Г. А.* Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940.
89. *Гаглоев Х. Д.* Из истории судопроизводства у осетин // Известия ЮОНИИ. 1964. Вып. XIII.
90. *Думанов Х. М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Первая половина XIX века. Нальчик, 1990.
91. *Маргиев В. И., Кесаев С. М.* Государственность Южной Осетии: прошлое, настоящее, будущее. Владикавказ, 2009.
92. *Александров В. А.* Обычное право крепостной деревни России. XVIII – начало XIX в. М., 1984.
93. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ, 2012.